

Заметки российского эмигранта

(отрывок из книги «Из Советского Союза
через Россию в Соединенные Штаты»)

А. Брискер

Как известно, до 70-х годов прошлого века эмиграции из СССР за редким исключением не существовало – страна была закрыта. Когда же под нажимом международного сообщества запрет ослаб, то одной из первых больших групп населения, которые начали выезжать при определенных условиях (формальный вызов от реальных, а чаще вымышленных родственников в Израиле), были евреи. В первой волне эмиграции в основном были диссиденты-националисты, бывшие подолгу «в отказе», а иногда и побывавшие в заключении, которые естественно стремились и уезжали в Израиль. Но постепенно состав менялся и в конце концов основную массу выезжающих составили люди, не имеющие идейных побуждений к эмиграции и стремящиеся только к материальному благополучию, а иногда еще бывшие не в ладах с законом. В то время многие «вспомнили» свое еврейское происхождение, которое они до этого тщательно скрывали (быть евреем стало «выгодно»), а некоторые не-евреи, чтобы уехать из страны, даже старались заключить брак с «лицом еврейской национальности» («Еврей не национальность, а средство передвижения», – как тогда горько шутили). Именно в то время значительное количество эмигрантов-евреев, воспользовавшись существующим на Западе правом свободного выбора места жительства, выезжая официально при содействии Израиля для «возвращения на историческую Родину», оставались в Австрии, Италии и, главным образом, уезжали в США, забыв о своей декларируемой тяге к упомянутой родине. Некоторое время существовало правило взysкивать с

отъезжающих определенную сумму за полученное высшее образование. Это вызвало бурю негодования, в том числе и Нобелевских лауреатов, а американские конгрессмены ответили известной антисоветской «поправкой Джексона-Вэника» (хотя окончательное подписание ее было значительно позднее). При этом, справедливости ради, необходимо отметить, что в большинстве стран существует аналогичная плата за образование, которая правда взывается во время учебного процесса.

...Сразу после отъезда дочери в США стало ясно, что рано или поздно мы тоже эмигрируем. Действительно, в середине 90-х годов дочка подала документы на воссоединение семьи в соответствующую организацию, и мы, заполнив многостраничные анкеты, с требуемыми документами (фото, свидетельства о рождении, браке и т. д.) вернули все в Вашингтон. Неожиданно, примерно через полгода она позвонила и сообщила, что получила информацию о нашем вызове на иммиграционное интервью. И действительно, в марте 1997 года нас (меня, жену и сына) пригласили на собеседование в американское посольство в Москве. Встреча прошла нервно: было долгое и беспокойное ожидание в набитом людьми помещении. Когда по громкоговорящей связи назвали нашу фамилию, мы втроем зашли в маленькую комнатку со столом и тремя стульями, отделенную от интервьюерши стеклянной перегородкой, через которую разговор (естественно, по-русски) шел с помощью микрофона и динамика (вспоминались киносцены тюремных свиданий). После клятвы с поднятием правой руки говорить только правду, мы сели, а, заявив,

«Эмиграция – дело молодых»

что отвечать должен только я как глава эмигрирующей семьи, она начала задавать анкетные вопросы в достаточно жесткой форме. Для получения статуса беженца (как потом, правда, выяснилось ценного только для пенсионеров) в моих анкетных материалах подчеркивался антисемитизм, сопровождавший меня всю жизнь; я даже представил справку из милиции об инциденте со злостной протечкой с чердака. В ответ я услышал, что вообще она не понимает, о каком антисемитизме может идти речь, если я был к.т.н. и начальником отдела в НИИ. Раздосадованный общим настроением и особенно последним заявлением, я достаточно резко ответил, что, если бы не было антисемитизма, я, может быть, был бы министром. При таком недружелюбном контакте я вышел с уверенностью, что беженского статуса не будет и был радостно обескуражен, когда минут через 15 в окошке на другом этаже получил соответствующие документы.

Я думаю, что в принципе, вопрос об иммиграции и ее статусе решался не во время интервью в посольстве (маловероятно, что такой серьезный вопрос можно эффективно решить за 15–20 минут беглого контакта), а собеседование предназначалось только для проверки наличия данных, принципиально меняющих ранее представленные анкетные данные. К слову сказать, не все претендующие получали желаемый статус. Так, семье баптистов в этом было отказано по причине вторичности брака, вроде бы, не совместимого с баптистскими канонами. Вообще, стремление доказать свою правоту иногда приобретало курьезный характер: рассказывали, что как-то женщина,

стремящаяся выехать как еврейка, судорожно спрашивала перед интервью, как крестятся в синагоге!

После получения документов мы поехали в московский офис МОМ (Международная организация миграции), где получили направление на медосмотр, который прошел в одной из московских поликлиник достаточно формально, хоть и утомительно долго. При этом произошли небольшие трения с главным врачом, которому я заявил, что не обязательно устраивать обеденный перерыв для всех врачей одновременно при наличии большого количества посетителей. Видимо, в отместку, несмотря на мой невоеннообязанный возраст, он потребовал военный билет, которого, естественно, у меня с собой не было. Мое возмущение таким несуразным требованием не возымело действия, и он заявил, что задержит мои документы, пока я не представлю упомянутый билет. В следующую командировку я это проделал, но самое интересное, что впоследствии я обнаружил, что отправка документов датирована датой первого визита. Определенные трудности возникли с женой: по ее медицинским показаниям врачи предложили специальное сопровождение при перелете, но это осложняло отъезд, и мы отказались.

После этого началась активная подготовка к отъезду – организация продажи дачи, машины, гаража и более мелких вещей, которые не планировались к вывозу.

В какой-то момент выяснилось, что выезжать члены эмигрирующей семьи могут отдельно, до этого официальная информация утверждала существование только общего, одновременного отъезда всей семьи. Поэтому через год (срок действия медобследования), чтобы не проходить вновь, уже платный медицинский осмотр, в марте 1998 года в США уехал сын, а я с радостью остался в Ленинграде, при этом жена, оставшаяся со мной, не очень разделяла мои эмоции.

Сын же, приехав с Сидер-Фоллс (маленький городок в штате Айова), жил у сестры, работать не пошел (хотя какое-то время подрабатывал помощником бармена), считая, что лучший способ успешно войти в американскую жизнь – это учеба, что теоретически, наверно, абсо-

лютно справедливо, и поступил в университет, закончив который получил диплом МВА. Я в какой-то момент считал, что может быть ему лучше сразу начать трудовую деятельность, а, если уже учиться, то получить «компьютерное» образование, но у него были свои достаточно весомые аргументы.

Мы с женой продолжали жить в Ленинграде: я работал, ездил в интересные командировки, так что тяги в Америку не испытывал, но я всегда образно говорил, что мой первый пенсионный день будет последним днем пребывания в России. Жена же, занимаясь домашним хозяйством, очень тянулась туда и каждый вечер подымала вопрос об отъезде. В какой-то момент американская администрация «помогла» жене, предложив нам или выехать до конца 2000 года, или поставить вопрос о нашем разрешении на иммиграцию. Я предложил выехать в конце года, но она настояла на мае месяце, к моменту появления внука (у дочери предполагался второй ребенок). Она утверждала, что из-за нашего отсутствия мы уже потеряли контакт с внучкой и надо ехать чтобы это не повторилось с внуком. Необходимо отметить, что наше присутствие с самого рождения (внуку было 4 дня, когда мы приехали), к сожалению, все равно не спасло ситуацию.

До отъезда я побывал в Москве и вторично получил в МОМ закрытый пакет с иммиграционными документами (первоначально он был получен для сына и затем возвратился в Москву). Билеты мы заказали до Чикаго (оптимальный для нашего будущего места жительства – Сидер-Фоллс, международный аэропорт) в польской авиакомпании «ЛОТ», которая, в отличие от остальных, разрешала брать не два, а три багажных места на билет, что было достаточно существенно. К сожалению, в последний момент «ЛОТ» отказался допустить на борт нашу собаку, и мы были вынуждены оставить ее.

В связи с отъездом мы устроили традиционную, как обычно сумбурную, прощальную «отвальную» для друзей, приятелей и знакомых. Как всегда, это было уже «на чемоданах» в полуразобранной квартире и с мрачным настроением.

Уезжая в Америку, мы оставили квартиру и практически все вещи.

Особенно печально было оставлять книги, каждая из которых представляла интерес и была приобретена с большим трудом. Правда, кое-какие я сумел переправить в США, некоторые продал за бесценок или просто отдал, но многие так и пропали. Ко всем прочим предотъездным проблемам вечером, накануне отлета, у меня сломался зубной протез и мне с огромным трудом удалось починить его у частного зубного врача только уже поздно ночью.

20 мая 2000 года мы прилетели в Чикаго и после несложных иммиграционных процедур встретились с сыном и его приятелем-марокканцем Джавадом, который помогал ему в этом незнакомом и долгом переезде (Сидер-Фоллс – аэропорт О’Харе и обратно), и в конце концов после суточного пребывания в пути мы, наконец, дико уставшие добрались до конечного пункта.

В Сидер-Фоллсе мы поселились в небольшом, трехкомнатном (two bedroom) одноэтажном домике, но по местной традиции имевшем подвал (basement), пригодный для жилья, что увеличивало его полезную площадь. Дом находился на одной из главных улиц (Main street), сравнительно близко, можно было дойти пешком (ведь я так и не научился водить машину) до магазинов и других жизненно важных мест и главное – недалеко от дочки, куда мы довольно часто приходили заниматься внуками. Правда, это иногда затруднялось традиционным для небольших городов в США отсутствием тротуаров (дело в том, что пешеходов на улицах вообще крайне мало, что в какой-то мере объясняет уважительное отношение к ним – ожидание автотранспорта на переходах, наличие на них специальных кнопок «зеленого света», оснащение некоторых автомашин звуковым сигналом заднего хода и т. п.) и приходилось пользоваться проезжей частью дороги. Иногда это приводило к курьезам: как-то женщина даже остановила машину и поинтересовалась, не нужна ли помощь. Сами же тротуары обычно бетонные, имеющие поперечные разрезы, видимо для компенсации температурного расширения.

Хочется отметить несколько совершенно разных, иногда юмористических, аспектов американского быта, бросившихся мне в глаза с

самого начала пребывания в Америке: наличие винограда без косточек, большое количество хороших общественных туалетов, странный обычай уносить домой остатки еды из ресторанов, путаная нумерацию домов, что очень странно выглядит на фоне обычно четкой планировки населенных пунктов, и, конечно, написание дат, начинающееся с указания не числа или года, а почему-то месяца.

Большое участие в нашем обустройстве, кроме, конечно, детей, приняла мать зятя, в частности, несмотря на мое сопротивление, организовала в церкви сбор средств в нашу помощь, на которые были приобретены вещи первой необходимости: посуда, инструменты, электроприборы и т. д. По ее же инициативе в местной газете появилась заметка с фотографией о нашем благоустройстве.

Необходимо заметить, что все мои попытки заняться общественно-полезной деятельностью (даже безрезультатно) были безрезультатны, при этом не последнюю роль, видимо, сыграло отсутствие языка. Так что занимался я в основном «творчеством» (писал воспоминания), интернетом (ежедневно читал новости и другую информацию на русскоязычных сайтах) и домашним хозяйством: магазинами, двором (в частности регулярно косил траву бензокосилкой летом и убирал снег у дома зимой) и огородом. Последний был организован во дворе за домом и, учитывая айовский чернозем, несмотря на ограниченный размер и атаки зайцев и птиц, от которых пришлось защищаться сетками, давал хороший урожай ягод и овощей (лучше магазинных или вообще отсутствующих там – таких как черная смородина, щавель и редька).

Год иммиграции совпал с моим 70-летием, празднование которого, как и все наши семейные торжества в Америке, прошло блекло и скромно, хотя и в три приема: американские родственники, русскоязычные знакомые и университетские приятели-россияне сына. Как ни странно, но самая теплая и дружеская обстановка была на встрече с молодежью, хотя сам сын к тому времени уже уехал работать в штат Нью-Йорк.

Сразу по приезде мы с помощью детей занялись довольно муторным оформлением первичных докумен-

тов, необходимых для легального пребывания в стране и материального обеспечения (денежного пособия и купонов на питание – food stamps) и только через пару лет, как положено, оформили и получили в иммиграционной службе столицы штата Де-Мойне полноценные удостоверения постоянных жителей (Green card).

Через пару месяцев мы всей семьей (дочь с мужем и детьми и я с женой) на «вэне» – 7-ми местном микроавтобусе, отправились в свое первое путешествие по Америке, ехали мы в Сан-Диего (Калифорния) на свадьбу сестры зятя.

Поездка была для нас очень интересной, несмотря на некоторые шероховатости; дело в том, что я привык при коллективных поездках, все вопросы (маршрут, остановки и т. п.) обсуждать и решать коллегиально, чего, к сожалению, не было, и в какой-то момент я вынужден был даже заметить, что мы все-таки не чемоданы, которые можно переставлять, куда угодно и когда угодно. По дороге мы заехали к дедушке и бабушке зятя, с которыми я познакомился еще на свадьбе дочери, живущим в Канзасе, где изредка на полях встречались нефтедобывающие насосы и обнаруживался своеобразный знак – «Центр США». Пару дней мы провели в живописных горах Колорадо, где семья зятя имеет домик и куда мы потом несколько лет осенью приезжали собирать грибы. В урожайные годы (через год) грибов бывало очень много и преимущественно белых, так что нам удавалось и засушить и замариновать их. Эти места в Колорадо малолюдные и мы много раз почти рядом с собой встречали пасущихся диких оленями, издали как-то даже наблюдали за бурым медведем, а с зятем ловили спиннингом форель в горной речке (у меня лично правда это не получалось). Именно там я впервые увидел маленьких, стрекозообразных птичек (hummingbird), порхающих у дома возле специально подвешенных кормушек.

Сделав небольшую петлю, мы осмотрели высокогорную плотину им. Гувера (на границе Аризоны и Невады) и заехали в знаменитый Лас-Вегас, где ночью погуляли по залитым светом улицам с фантастическим количеством фланирующей публики и поиграли на автоматах

прямо в холлах шикарных гостиниц. Впечатление от этого игорного центра, прямо скажу, неоднозначное: с одной стороны, все очень ярко, грандиозно и красочно, с другой – крайне эклектично, аляповато и безвкусно, короче говоря, типичный «китч». Следующая остановка была в Лос-Анджелесе, где мы с женой на пару дней остановились у наших друзей, которые оказали нам теплый прием: мы поехали по городу, который протянулся вдоль побережья на много километров, осмотрели достопримечательности и даже искупались в Тихом океане.

В Лос-Анджелесе произошла запланированная, однако довольно нескладная, кратковременная встреча с «американскими» родственниками – семьей двоюродной сестры. Еще до революции папина сестра иммигрировала в США и обосновалась в Чикаго, где вышла замуж; у нее было 3 сына (одного не стало в детстве) и 2 дочери. Контакты были крайне редки, а с началом «холодной войны» вообще прекратились (правда, в 1960 году был какой-то случайный обмен письмами), а с уходом из жизни старшего поколения связь полностью прервалась. Когда дочка попала в Америку, я попросил ее попробовать найти какие-нибудь концы через чикагскую фотографию, адрес которой был на единственном имевшемся у меня чикагском фото, но этот фантастический план быстро рухнул, когда на этом месте оказалась булочная. Для себя я решил, что сразу по приезде в Америку займусь более тщательными поисками, но младшая кузина меня опередила и через Красный Крест нашла нас. Она направила запрос на несколько адресатов, но сработал только один: найден был мой двоюродный брат, живущий в Москве; в остальных случаях или не было в живых, или была указана девичья фамилия, или неправильно было указано место жительства. Дальнейшее было делом техники: я передал координаты дочери, она вышла на кузину, и контакт был восстановлен. Более того, в 1999 году кузина с двумя своими сыновьями приехала в Россию повидаться, и мы очень тепло встретились, а когда мы появились в Сидер-Фоллсе, старшая кузина с мужем, несмотря на преклонный возраст, прилетела познакомиться с нами, что было

очень трогательно. Потом, будучи в Вашингтоне, мы пару дней провели у них в гостях, познакомились с семьями их дочерей; но довольно быстро взаимный интерес притупился, языковой барьер этому, видимо, способствовал, и мы с сестрами в лучшем случае стали перезваниваться по дням рождения, а кузены вообще так и не удосужились поинтересоваться приехавшими российскими родственниками. Даже яркий 90-летний юбилей мужа старшей кузины, на котором мы присутствовали всей семьей, не внес принципиальных изменений.

Сан-Диего оказался приятным южным городом с мексиканским «привкусом», где мы провели пару свадебных дней. От свадьбы в памяти остался только банкет, видимо, за счет некоторых странностей. Во-первых, основной алкоголь продавался в баре ресторана, и гости сами его покупали; было несколько странно, что приглашенные на банкет сами себя обеспечивают, удивительно, что не дошли еще до оплаты еды. Правда, в дальнейшем я перестал удивляться, что приглашенный в ресторан сам оплачивает счет, хотя я привык к тому, что платить должен приглашающий, а иначе это не приглашение, а совместное посещение. Во-вторых, меня несколько смущала одежда некоторых из гостей, один из которых был в ковбойке, не снимая бейсболки, а другой (свадебный свидетель) – в торжественном черном костюме и кроссовках. Вообще нужно отметить, что у американцев практически отсутствует регламентация одежды в зависимости от времени и места: я встречал их в театре в сандалиях на босую ногу и в международном аэропорту в майке и купальных трусах. А на одном торжественном школьном вечере на сцене сидел ученик в пляжных тапочках, и меня потряс не столько сам «оригинал», сколько лояльность окружающих.

На обратном пути, оставляя в стороне Солт-Лейк-Сити (Юта) – город мормонов (религиозная христианская секта), издали видели величественный Храм мормонов, расположенный в этом городе, а также заехали в Омаху (Небраска), где жила одна из приятельниц дочери, место знаменитое разве только как место жительства финансиста У. Баффета – известного миллиардера.

В этой поездке по стране меня покорили изумительные горные пейзажи; за всю свою жизнь я не видел такого количества красивых гор, как покрытых растительностью, так и каменисто-скалистых. Не могу пройти также мимо автодорог, по которым мы проделали несколько тысяч километров. Дороги в США – это особый разговор, при огромном количестве машин и повсеместном их использовании (даже на железнодорожных платформах зачастую перевозятся не контейнеры, а автоприцепы) в стране существует разветвленная сеть прекрасных автодорог, которые можно поделить на городские, штатные и федеральные. Последние естественно самые хорошие, как по покрытию (в основном асфальт, иногда с добавлением мелкой гальки для улучшения сцепления), так и по ширине (2–3, а на подъезде к большим городам 5–6, полос в каждую сторону).

Вообще, по-моему, Ильф и Петров неправильно назвали США «одноэтажной Америкой», скорее, она «четырёхколесная»; у меня сложилось впечатление, что американцы всю жизнь – от рождения до смерти, проводят, не выходя из машины (покупают еду и лекарство, общаются с банком, смотрят кино...). В отличие от обычного варианта специализированный автотранспорт в стране имеют не только полиция, почта, пожарные, медицинские и инкассаторские службы, но, что очень ценно, по всей стране большие, желтые автобусы доставляют учеников в школы и развозят их после уроков по домам. Мне кажется также, что основным грузовым транспортом в США являются огромные четырех-, пяти-, а иногда и шестиосные фуры (траки-трейлеры), которые с огромной скоростью (около 120-ти км/час) «летят» по автострадам-хайвеям (highway), не имеющим дорожных пересечений и соответственно светофоров. Правда, к слову сказать, достаточно редкие грузовые железнодорожные составы поражают своей длиной (числом платформ, цистерн и т. п.).

Следующий цикл поездок – это полеты в Нью-Йорк, в котором мы бывали и зимой и летом. О Нью-Йорке сказано и написано столько, что мне при моих кратких посещениях остается высказать только общее впечатление, которое оказалось, как

ни странно, скорее отрицательным, чем положительным. Огромный, разномастный, достаточно грязный город с ужасным, правда, очень разветвленным метро, с малопривлекательным населением. Отдельные приятные места, в частности район к востоку от Центрального парка, где расположено российское консульство, не меняют общей картины. Русскоязычные районы представляют ценность только наличием магазинов с привычными для нас «русскими» продуктами. Я оставляю в стороне оценку многочисленных интересных достопримечательностей города: здания ООН, небоскребов, памятников, музеев, как говорится, «музеи и в Греции – музеи».

Будучи в Нью-Йорке, мы обычно останавливались в Бруклине (правда, один раз пожили у знакомого на Манхэттене) у наших гостеприимных ленинградских друзей – в их небольшой, но удобно расположенной квартире (рядом со станцией метро и «русскими» магазинами). Первое время каждый приезд мы несколько дней проводили в доме у приятелей в Принстоне (Нью-Джерси), маленьком городке, знаменитом своим университетом, откуда однажды съездили в Филадельфию, где запомнился музей Родена, и в Атлантик Сити, подобие Лас Вегаса на Восточном побережье, удивившим нас малолюдностью. Вообще это посещение осталось в памяти только полицейским арестом нашей машины за неправильную парковку и трудностями с ее выкупом поздно ночью. Именно они познакомили нас с курортной Флоридой; мы с ними провели несколько прекрасных дней в Неаполе на берегу Мексиканского залива, где не только купались и загорали, но еще и посмотрели экзотичные собачьи бега, а также побывали в знаменитом Майями.

Первый раз прилетев из Айовы в Нью-Йорк, мы решили одновременно познакомиться со столицей страны и поэтому возвращались из Вашингтона, куда нас к моей американской кузине, жившей в пригороде, привез приятель. С интересом мы ходили по Вашингтону, были на экскурсии в Белом доме и Музее Холокоста, посетили Арлингтонское воинское кладбище с мемориалом неизвестного солдата и захоронением Джона и Жаклин

Кеннеди, и даже подъезжали к дому Д. Вашингтона в Вирджинии. Также с Нью-Йорком, правда штатом, связаны наши поездки в Корнинг, городок, где одно время в одноименной компании работал сын. Фирма была градообразующая и, кроме нее и связанного с ней Музея стекла (первоначальная продукция предприятия), ничего примечательного в городе не было, хотя сам он был очень приятным. Сын показал нам окрестности: близлежащую Элмиру с могилой Марка Твена, Итаку с Корнельским университетом, окрестные озера и виноградники; при этом я был вообще удивлен наличием в этих местах виноделичества. Мы даже умудрились съездить в Торонто (Канада), посмотрев при этом с канадской, наиболее впечатляющей стороны на известный Ниагарский водопад. Торонто оказался типичным американским городом, где мы ничего особенного, кроме красивого озера Онтарио, не увидели. Я хотел возвращаться через французскую Канаду, но сын и жена меня не поддержали, и мы вернулись тем же путем через Ниагара-Фоллс, купив в «Duty free» дешевый «Абсолют». В отличие от нас, наши друзья и знакомые были менее мобильны и, несмотря на многочисленные приглашения и даже мои 70-ти и 75-летия, к сожалению, за редким исключением так и не побывали у нас в гостях, оправдываясь недостатком или финансов или времени.

В какой-то момент у дочери появился интерес к Флориде, где она в конце концов приобрела дом на побережье Атлантического океана в Веро-Биче – маленьком городке, даже проигрывавшем Сидер Фоллсу за счет отсутствия университета, зато с огромным количеством «мерседесов» и пенсионеров на душу населения. Сначала мы приезжали туда на несколько дней, обычно зимой в районе Нового года, как-то даже из Нью-Йорка приехали с сыном на машине, задержавшись по дороге в Атланте (Джоргия) у знакомого, не только любезно принявшего нас, но и свозившего в парк-музей с высеченными на скале конными барельефами генералов Гражданской войны.

Через некоторое время дочь и естественно мы за ней переехали во Флориду совсем. Переезду предше-

ствовали соответствующие многочисленные хлопоты, связанные в частности с раздачей, продажей (традиционные «гараж-сейлы») и упаковкой вещей. Переезд осуществлялся различным транспортом: жена со сватьей и внуками улетела самолетом, остальные с вещами ехали на машинах – легковом «Мерседесе» (дочь и зять) и арендованном в U-HAULe большом траке (я и сват). Последний был не очень комфортабелен вообще, к тому же все осложнялось плохо работающим кондиционером, что особенно почувствовалось, когда дорога пошла по южным штатам. Первое время, которое растянулось, к сожалению, на год, мы жили у дочери, а потом, после длительного, муторного и некачественного послеураганного ремонта переехали в свою трехкомнатную (по-американски двухспальную) квартиру на первом этаже двухэтажного, барачного типа (однако со всеми удобствами) дома в кондоминиуме. Здание имело традиционную для многоквартирных домов в США гостиничную планировку: общий для нескольких квартир коридор – внутренний для севера и наружный для юга страны, но, конечно, кухня, ванная и туалет в каждой. Кондоминиум с романтическим наименованием «Oak park terrace» («Терраса дубового парка» – ни террасы, ни парка, как обычно, я не обнаружил) располагался сравнительно далеко от дочери и океана (правда, можно было пользоваться одним из существующих бесплатных автобусных маршрутов), но близко от магазинов, почты и других каждодневных учреждений, что было более важно для нас.

Живя во Флориде, мы невольно сравнивали ее с Айовой. Айова – среднезападный штат, с резко континентальным климатом (от 30-градусных морозов зимой, до 30-градусной жары летом) и плодородной почвой, славившийся кукурузой (недаром сюда приезжал Н. Хрущев – большой сторонник ее) и свиноводством. Животный мир в населенных пунктах – это различные птицы, белки, бурундуки, еноты, зайцы, последние поначалу (пока не поставили защитную сетку) съедали всю зелень в нашем огороде. Население практически только белое. Многие территориальные наименования, кроме традиционно,

связанных с природой (водопады, пороги, растения и т. п.) и политикой (президенты США и т. п.), отражают влияние французов (первых колонизаторов) – столица штата Де-Мойн (Des Moines), городок Ватерлоо (Waterloo) и аборигенов (индейцев) – название штата Айова (Iowa), округ – Черный Ястреб (Black Hawk).

Флорида – южный штат между Атлантическим океаном и Мексиканским заливом, с теплым тропическим климатом, выращивающий в основном цитрусовые. Климат практически бессезонный, круглый год лето с цветущими растениями (пальмы, бамбук, бананы и т. д.). Кроме небольшого количества белок, животные в основном пресмыкающиеся (ящерицы, змеи) и водные: крабы (крупные, сизого цвета), птицы (пеликаны, чайки, цапли), ламантины («морские коровы»), крокодилы, акулы и дельфины в океане. В общем Африка по А. Городничкову: «Крокодилы, пальмы, баобабы и жена французского посла», только небольшая замена: вместо баобабов – бананы (тоже на «ба») и собственная жена вместо коварной иностранки. Впрочем несколько омрачает жизнь огромное количество насекомых: муравьев, жуков-тараканов, термитов и т. п., которые проникают даже в жилые помещения.

Население штата в значительной мере цветное – негры и латинос, иногда опустившиеся и живущие на пособия или случайные заработки. Во многом чувствуется, кроме обычного индейского, большое влияние испанского языка (географические наименования, двуязычные объявления, названия и аннотации к товарам и т. д.); недаром говорят о возможности его введения в качестве второго государственного. Бичом Флориды являются ураганы, «любовно» называемые мужскими и женскими именами, иногда приводящие к большим разрушениям и необходимости эвакуации населения отдельных районов (пару раз это коснулась и нас – пришлось уезжать в Орландо). При этом мы наблюдали, как успешно ликвидировались последствия урагана: очищалась территория, ремонтировались здания, восстанавливалось водо- и электроснабжение; первоначально же, учитывая отсутствие

электричества, население обеспечивалось автономными, бензиновыми электрогенераторами, а Армия Спасения раздавала воду и пайки из армейских запасов (детям очень нравилось разогревать еду в пакетах со специальными реагентами, в которые для тепловой реакции заливало мизерное количество воды).

Дополнительные трудности для нас создавались из-за существующей в США автономии штатов, когда определенные жизненные положения (социальная помощь, медобслуживание и т. п.) при переезде из одного штата в другой неожиданно оказываются измененными. Вообще мне кажется несколько абсурдным, что в различных районах (в данном случае – штатах) одного государства имеет место свое собственное законодательство и, главное, с отличными юридическими нормами; так, от штата к штату изменяются, например, характер и величина налогов и помощи малоимущим, дорожные правила и автомобильные права, санкции за нарушение законов (в одних существует смертная казнь, в других – нет, не говоря уже о размерах штрафов) и наличие сезонного времени (зима, лето) и т. д. Так что прежде, чем нарушить закон или пойти на преступление в США, целесообразно определить, в каком штате лучше это совершать!

Будучи в Флориде мы осуществили две увлекательные поездки в Центр космических полетов имени Д. Кеннеди и на Багамские острова. Космический центр, как известно, расположен на мысе Канаверал и занимает значительную территорию, в многих местах целинную, где мы, как ни странно, видели крокодилов и броненосцев. Мы побывали, естественно, только в не очень интересном гостевом (музейном) комплексе, а все посещение запомнилось в основном высокой стоимостью входного билета и многообразным космическим кораблем (шатлом) «Колумбия», который мы наблюдали издалека на стартовой площадке и который через месяц потерпел катастрофу, приведшую к гибели всех 7 астронавтов, включая первого израильского.

На Багамские острова (Содружество Багамских Островов), на Большой Абако мы (сват, зять, сын и я) перелетели из Форга Лоудердейл без всяких пограничных

проблем примерно за час. Там мы загрузились продуктами и на яхте свата поплыли вдоль побережья многочисленных островов, иногда выходя в океан. Поездка была очень экзотическая: яхта под парусами, изумительно чистая голубовато-зеленая вода, необитаемые острова с безлюдными пляжами, на светлом мельчайшем песке которых разбросаны выброшенные океаном коряги и раковины; не хватало только Робинзона Крузо и Пятницы. Нужно заметить, что справляться с парусами, несмотря на наличие специальных приспособлений, оказалось очень не просто – я сразу «сошел с дистанции», а сын принимал активное участие, в результате чего сорвал парусными тросами кожу с ладоней рук, что очень мешало при купании в соленой воде океана.

Из отдельных не упомянутых ранее мест в США, кроме айовских (Айова-Сити, Поствилл), флоридских (Мельбурн, Форт Пирс, Ки-Вест) и висконсинских (Медисон, Милуоки, Расин) городов удалось побывать в Далласе с мемориалом Д. Кеннеди, заснеженном Миннеаполисе и интеллектуально-студенческом Бостоне.

Несмотря на многочисленные поездки, конечно, большую часть времени мы проводили дома, сначала в Сидер-Фоллсе, а затем в Веро-Биче, где в основном общались с семьей дочки (все попытки наладить контакты на стороне даже при моем общительном характере не дали существенных результатов). Что касается дочкиной семьи, то здесь тоже все было далеко не идеально – очень многое меня не устраивало. Дело в том, что она (семья) была полностью американизирована и в ней абсолютно отсутствовала российская составляющая. Уклад жизни, питание, одежда, воспитание детей – все было перенесено из семьи зятя, и очень печально, что дочерью полностью было вычеркнуто все, что культивировалось в нашей семье, при этом я абсолютно убежден, что в нашем воспитании, если не все, то очень много было хорошего. Я вообще считаю, что в нормальном браке прошлое обоих супругов должно паритетно соединяться в единое целое при полном отсутствии какой-либо дискриминации, конечно, при условии, что никто из супругов не представляет

«первобытную» культуру (к сожалению, видимо именно к такой дочь причислила себя). Все это создавало определенную настороженность во взаимоотношениях и можно только радоваться, что мы в повседневной жизни не нуждались в денежном субсидировании и требовалась только транспортная и переводческая поддержка.

Особенно печально, что не совсем сложились отношения с внуками. Они абсолютно американцы (еда, одежда, поведение и т. д.), и в них полностью отсутствует близкое мне российское начало, которое должно было быть заложено матерью и могло бы создать необходимые предпосылки для контакта. Даже когда мы встречаемся с ними, то теплое, родственное контакта, которого нам так не хватает, зачастую не получается; я думаю по двум причинам: во-первых, их не воспитывали в уважении к старшим и, в частности, к бабушке с бабушкой, не говоря уже о семейной теплоте, а главное – наличие языкового барьера (мы не знаем английского языка, они – русского). Очень грустно наблюдать более близкие отношения, связывающие их с другими, американскими родственниками. Хочется надеяться, что со временем все это сойдется.

Хочу заметить, что все разговоры о невозможности двуязычного воспитания – абсолютная ерунда. Я наблюдал в Америке целый ряд достаточно успешных случаев такого воспитания, правда при этом, как минимум, необходимо желание родителей.

Основным негативом нашего бытия был недостаток общения, которое я любил и имел всю жизнь. Все мои многочисленные попытки наладить контакт с окружающими не получались – будь то «аборигены» или иммигранты, евреи или русские, молодые или пожилые. Видимо, в старости заводить новых приятелей очень трудно, да и моя природная коммуникабельность так и не смогла преодолеть индивидуалистическую отчужденность и отсутствие желания общаться у местного населения, врожденное у коренных американцев и благоприобретенное у российских иммигрантов.

Если говорить в принципе о моей жизни в Америке, то я obviously могу охарактеризовать ее,

как П-образную – патриархально-провинциальная, пассивно-пенсионная и примитивно-потребительская. При общей оценке ситуации, можно сказать, что она хуже, чем хотелось, но лучше, чем могла бы быть. Необходимо заметить, что только очень предприимчивые люди (к сожалению, зачастую жуликоватые) полностью успешны в любой стране и при любом режиме, что, видимо, не характерно для меня.

Завершающим аккордом нашей иммиграции было получение американского гражданства, которое дает ряд преимуществ (голосовать, работать в госучреждениях и т. п.), а, главное для нас сохраняет государственное пособие. Как положено, мы после 5 лет пребывания в США подали в Department of Homeland Security, U. S. Citizenship and Immigration Service соответствующие документы (анкеты, фотографии и т. д.) с чеком (в бесплатном оформлении нам отказали, мотивируя тем, что, если у нас есть деньги на заграничные поездки, как указывалось в анкетах, то мы можем оплатить и оформление). Через некоторое время нас вызвали в Вест-Палм-Бич на снятие отпечатков пальцев, но из-за очередного урагана произошло это несколько позднее. Перед поездкой в Петербург в мае 2006 года я очень волновался, чтобы последующий вызов на интервью не пришелся на время нашего отсутствия, и, получив письмо, вскрывал конверт дрожащими руками, но все вызвали на 6-ой день после возвращения. Еще до отъезда я пытался подготовиться к интервью (читал текст и слушал кассеты с вопросами и ответами по анкете, а также по истории и государственному устройству США), но при моем «знании» английского это мало помогало, и я очень боялся предстоящей встречи с американской бюрократией. Дело в том, что вопросы были элементарнейшие, но надо было их понять и более менее грамотно ответить, что при моем языковом уровне составляло определенную трудность.

В действительности мне наверное повезло: когда мы приехали в иммиграционную службу на интервью снова в Вест-Палм-Бич и сидели в большой комнате, ожидая вызова, меня пригласила небольшого роста, полноватая негритянка

средних лет, которая оказалась крайне доброжелательным и благосклонным экзаменатором. Приведя меня в свой «закуток» она попросила поднять правую руку в знак традиционной клятвы говорить только правду, затем начала спрашивать меня по анкете для определения, все ли в ней соответствует действительности. Здесь я уточнил свое желание изменить (сократить) свое имя и отчество (то есть среднее имя), правда, от всего этого опять же при ее любезном участии потом я отказался (интервьюер жены напугал нас, что это резко усложнит дальнейшую процедуру). Я также сообщил о своей последней поездке в Россию, указание о которой по времени не могло попасть в анкету. После окончательного подписания анкеты перешли к второму этапу – вопросам по истории и государственному устройству США, которые оказались простыми для понимания, и я легко на них ответил, хотя вначале и, ссылаясь на мой плохой слух, попросил разрешения самому читать вопросы с монитора, на что получил вежливый отказ. Последним испытанием была просьба написать фразу: «I cook very well», что я и выполнил, хотя слово «cook» было неожиданным и поначалу привело меня в некоторое замешательство.

Во время нашего принужденного общения она вела себя очень лояльно и у меня сложилось впечатление, что вообще у нее не было цели «завалить» меня, что она и подтвердила соответствующей бумажкой, правда без печати и даже подписи. Жена же по состоянию здоровья проходила упрощенное собеседование – через переводчика (дочь) и без историко-общественных вопросов. Через некоторое время нас вызвали опять же в Вест-Палм-Бич на церемонию клятвы, к сожалению в разное время с женой, где во время получасовой процедуры выдали соответствующий сертификат («Certificate of Naturalization»), после чего мы стали официальными гражданами США.

В заключение хочу сказать несколько слов о США. Сразу же считаю нужным заметить, что не имею ни морального, а главное, ни формального права давать глубокий анализ этой страны и ее народа, но это ни в коей мере не лишает меня права высказать некоторые свои

мысли и не моя вина, если при этом будут развенчаны отдельные мифы. Необходимо отметить, что мои высказывания и оценки относятся только к тому, что я видел вокруг себя, и я естественно не могу утверждать, что это полностью относится к остальной Америке, хотя мне кажется, что все это характерно для всей страны.

США – огромная, многонациональная страна (при этом одна этнотерриториальная группа может значительно отличаться от другой), входящая в первые пятерки стран как по территории, так и по населению и естественно страдает синдромом, как я его называю, «большой страны». Это ужасная бюрократия, определенная неразбериха и нестыковка в действиях смежных организаций, заполнение и рассылка огромного количества ненужных бумаг и т. д. Упомянутым синдромом, кроме всего прочего, страдает и Россия, а вот расхожее утверждение о похожести американцев и россиян – досужие домыслы журналистов.

Федерализм страны, записанный в Конституции, определяет равноправие штатов вне зависимости от их величины и населения. Это теоретически положительный анахронизм в сочетании с существующей системой выборов в ряде случаев создает некоторые несуразности, когда результаты выборов законодательной (сенат) и исполнительной (президент) власти не отражают мнение большинства населения страны. В последнем случае наверное вообще целесообразно не учитывать результаты голосования по тем штатам, где разница в количестве голосов, поданных за конкурирующих кандидатов в президенты, составляет менее 0,1%; иначе может получиться, как в 2000 году, когда Дж. Буш фактически победил только 537 голосами жителей Флориды, что составляло около 0,01% избирателей этого штата.

США – страна богатая и экономически мощная, хотя все это определяется отнюдь не качеством исполнительной деятельности американцев, а, я думаю, замыканием на нее мировых финансовых потоков. Как, например, Москва живет лучше Тамбова совсем не потому, что москвичи работают лучше тамбовцев,

а потому, что она является финансовым центром страны.

Как я уже отмечал, основными средствами междугородного передвижения и транспортировки являются автомобильный транспорт и авиация, имеющие качественную и хорошо развитую инфраструктуру (дороги, аэропорты и т. д.). Населенные пункты (за исключением больших городов-мегаполисов – Нью-Йорк, Чикаго и т. п.) обладают недостаточным общественным транспортом и основным средством передвижения являются личные автомашины.

Снабжение населения всем необходимым обеспечивается большим количеством магазинов с удобным режимом работы (без перерыва, допоздна или вообще круглые сутки), причем ассортимент, качество и количество их на душу населения практически не зависят от места – столица это или малосинький населенный пункт; исключение составляют только дорогие фирмы и национальные, например «русские» магазины, которые, зачастую, отсутствуют в провинции. Продажа овощей и фруктов не имеет сезонности, правда цены меняются, а многие продукты обезжирены и обессахарены, к сожалению, не учитывается, что при этом они теряют свои естественные вкусовые качества. Характерно, что в надписях на товарах его наименование указывается более мелким шрифтом, чем название (марка) фирмы-изготовителя. Еще одна особенность торговли – это возможность сравнительно легкого возврата приобретенного товара; население пользуется этим для сдачи ненужных подарков, а иногда и как своеобразным прокатом. Во всех магазинах основных торговых сетей в большинстве случаев имеются аптечные отделы, а также напольные весы и приборы измерения кровяного давления для бесплатной проверки медицинских параметров посетителей, что крайне удобно для населения.

Необходимо отметить, что Америка живет в долг – в кредит покупается все: одежда и драгоценности, посуда и мебель, машины и дома. Такая жизнь взаимны на первый взгляд кажется очень привлекательной – можно делать покупки, на приобретение которых в данный момент денег нет, но при ближайшем рассмотрении, с учетом значительных кредитных процентов и

существующей неуверенности в стабильности и постоянстве годового дохода, прелесть этой возможности значительно тускнеет.

Американцы необыкновенно патриотичны (флаги почти у каждого учреждения, предприятия и частного дома, флажки и лозунги на автомашинах и т. д.), правда иногда их патриотизм приобретает несколько карикатурные формы. Так после трагедии 11 сентября, которая, как мне кажется, частично произошла из-за самонадеянности руководства США («мы сильнее всех и нам никто не страшен») в сочетании с пресловутой и злополучной политкорректностью («все люди хорошие – не дай Бог обидеть кого-нибудь подозрением», а необходимо было учитывать, что, хотя и не все мусульмане – террористы, но подавляющее большинство международных террористов – мусульмане), лозунги и флаги появились не только на заборах (из разноцветных пластмассовых стаканчиков) и конфетных фантиках, но даже на нижнем белье. К своеобразным проявлениям политкорректности нужно отнести и определенные матриархально-феминистские тенденции в американском обществе.

Оборотной стороной американского патриотизма является изоляционизм, когда люди не очень знают, да и не очень интересуются, что творится в мире, за пределами их страны, а иногда и штата. В этом отношении характерен результат наблюдений за участниками телеигры «Кто хочет стать миллионером» («Who wants to be a millionaire»), которые прекрасно знают американский бытовой сленг, хорошо справляются с вопросами по американским телепередачам, кино и литературе, прилично отвечают на вопросы по естественным наукам, но показывают полное незнание даже элементарных вопросов по культуре, географии и истории вне США. А ведь это люди, прошедшие определенный интеллектуальный отбор. Можно предположить, что все это издержки школьного образования, которое в отличие от высшего плохо организовано, в частности не прививает детям интерес к всемирной цивилизации, забывая, что США не единственное государство в истории и мире, представляющее интерес.

Характерный для методики американского образования случай произошел со мной при посещении уроков английского языка. Я долго получал домашние задания после проверки без единого замечания, а когда я, засомневавшись, спросил преподавательницу: «Неужели у меня нет ошибок?», то она без всякого смущения ответила, что ошибок, конечно, очень много, но она не хочет меня обижать. Учительница очень удивилась, когда я ей пытался объяснить, что пришел учиться, а не обижаться. Вообще проверка знаний в американской образовательной системе, кроме реферирования, основана на тестировании (выборе одного правильного ответа из нескольких предоставленных), а не на экзаменах (задается вопрос, на которой существует единственный ответ), что, конечно, значительно облегчает положение экзаменуемого и соответственно ухудшает результаты проверки. Наконец, достаточно пародийно выглядит инициатива введения системы денежной мотивации школьников в учебе и поведении.

В большинстве своем американцы не любознательны. Так, встречавшиеся на моем пути коренные жители так и не могли объяснить мне ряд нестыковок и неясностей окружающей жизни: почему спортивная игра, в которой мяч не бьют ногами, называется футболом (football), почему воскресенье, с которого начинается календарная неделя, входит в конец недели (weekend), почему даты пишутся не последовательно (месяц, число, год), что обозначает рисунок на обратной стороне десятицентовой монеты и т. д. В то же время они достаточно публичны – легко участвуют в дискуссиях и свободно чувствуют себя перед телевизионными камерами, что хорошо видно в многочисленных телеинтервью с людьми «с улицы».

Хочется заметить, что, как ни странно, патриотические и изоляционистские тенденции американского общества сочетаются с широкой толерантностью, получившей особенный размах в последнее время. Правда, национальная и религиозная корректность зачастую приобретают абсурдный, чтобы не сказать уродливый, оттенок. Нельзя согласиться с практикой

резервирования мест в университетах для афроамериканцев (правильно заметил один негр, что никому не придет в голову резервировать места в баскетбольных командах для белых, хотя их там тоже крайне мало – кто способен, тот и участвует). Мягко говоря, смешно выглядит школьное торжество, посвященное одновременно Рождеству, Хануке и Кванзе («Kwanzaa» – недавно искусственно введенный, непонятный по происхождению африканский праздник). Характерно, что, кроме негров, ни одна расовая группа не имеет общепринятого этнического праздника. И подобных примеров можно привести множество.

Основными общественными праздниками, на мой взгляд, являются: День влюбленных – День святого Валентина (14 февраля); День Независимости – День принятия Декларации Независимости и образования США (4 июля); Хэллоуин – Halloween (31 октября), праздник с маскарадом, тыквами и конфетами детям; День Благодарения – Thanksgiving Day в память праздника урожая первых иммигрантов-пилигримов (последний четверг ноября) и Рождество – Christmas (25 декабря). Как ни странно, самым большим праздником, как можно было предположить, является не День Независимости, когда все ограничивается обычно официальным фейерверком, а Рождество в красно-зеленом цвете, с семейным застольем, Санта Клаусом, елкой и повсеместным украшением домов и улиц светящимися гирляндами, фигурками и целыми евангельскими сценками.

Общественный порядок поддерживается полицией, которая показалась мне очень вежливой и достаточно доброжелательной. Это организация не столько карающая, сколько помогающая в экстремальных ситуациях, как персональных, так и общественных. Так, в экстренных случаях по звонку 911, вместе с медиками и пожарными всегда приезжают полицейские. Вызывает удивление, чтобы не сказать возмущение, судебная практика оправдания преступника при не вполне разрешенном способе сбора улик. Хотя напрашивается более справедливый выход из сложившейся ситуации: преступник должен быть

осужден, а нарушитель правил сбора улик – наказан.

Церковь и вообще религия в США отделены от государства, однако, играют большую роль в жизни общества. Вера в Бога пронизывает общественное сознание, достаточно отметить надпись на деньгах «In God we trust» (мы верим в Бога), повсеместный лозунг «God bless America» (Бог, благослови Америку), распятия во многих помещениях, чтение Библии даже в транспорте и т.д. Подавляющее большинство американцев придерживаются различных направлений протестантизма. Фанатичная вера отсутствует и верующие в основном ограничиваются воскресным посещением церкви, которая является не только и не столько молитвенным местом, сколько местом встречи и общения прихожан; в церквях имеются детские комнаты, кухни и другие помещения для светского времяпрепровождения. Вообще «американская церковь» (если можно так сказать) церковь, вернее церкви, имеют, на мой взгляд, три особенности, отличающие их от ортодоксальных христианских конфессий: католицизма и православия. Первая – это демократичность (убранство церквей, антураж служб, непосредственность в поведении прихожан и т. п.), вторая – толерантность к другим вероисповеданиям и третья – трепетное отношение к Ветхому Завету как первооснове всей Библии. В качестве влияния «Пятикнижья» можно отметить начало недели в США с воскресенья и распространение ветхозаветных имен таких, как Авраам, Аарон, Давид, Сара, Рахиль и т. д. Воздействие Ветхого Завета на общество имеет далеко идущие последствия, в частности я думаю, это сыграло не последнюю роль в позитивном, в основном, отношении американского общества к государству Израиль, так как возникновение его соответствует библейским заветам (в одной из церквей израильское знамя даже украшало сцену). Все это, правда, говорят, не исключает наличия бытового антисемитизма, особенно распространенного среди негритянской части населения.

Народ в США в основном доброжелательный, правда, сравнительно легко быть таковым при благополучной жизни, но, по-моему,

не добродушный, что является чертой характера, а не поведения как первое качество. Индивидуализм возведен в культ, я даже плохо себе представляю, как американцы достигают хороших результатов в спортивных играх, где требуется коллективизм; наверное это то исключение, которое только подтверждает правило. Люди внешне общительны: работники сервиса всегда здороваются, правда только на рабочем месте; прохожие обычно также здороваются, пешеходы и водители приветствуют друг друга поднятой рукой или в крайнем случае поднятыми пальцами – этот универсальный жест одновременно указывает на то, что они увидели друг друга, а также является благодарностью за пропуск друг друга. Отношения между людьми сочетают такие противоречивые факторы, как меркантильность (оплата взаимных услуг, даже, если это дети) и волонтерство (безвозмездная поддержка в госпиталях, церквях и других общественных местах). Американцы, видимо, будучи народом иммигрантов, очень лояльно относятся к людям, плохо владеющим английским языком – всегда постараются понять абракадабру новоиспеченного «американца» и помочь ему.

В быту они не притязательны, любят общественное питание (благо мест очень много), в частности fast food (заведения быстрого питания), которые действительно экономят время; зачастую едят на ходу (в машине, метро и т. п.), то есть в общем не гурманы. Достаточно заметить, что на вопрос о национальном, американском блюде, была названа итальянская пицца. Считая, что потребление еды ограничивается только утолением голода, длительные семейные и гостевые застолья с общением фактически не практикуются. При этом тщательно следят за калорийностью питания (на каждой упаковке указывается калорийность продукта), но это не спасает от национальной проблемы – избыточного веса населения. Распивать алкоголь (правда, их это не очень волнует – они в основном не пьющие или, в крайнем случае, мало пьющие), и даже пиво можно только в определенных местах (ресторанах, кафе и т. п.) или дома, поэтому на улице можно иногда увидеть бро-

шенную опорожненную бутылку, «замаскированную» в непрозрачный пакет. Аккуратность американцев несколько своеобразна: они могут многократно в день чистить зубы, но ни разу не помыть руки, даже перед едой; дезинфицировать в магазинах специальными салфетками ручки торговых тележек и пить напитки, касаясь ртом естественно отнюдь не «стерильных» поверхностей банок и бутылок. Одеваются они тоже необычно для нас: очень небрежно (из-под верхней одежды торчит нижняя), ярко, (странно, например, видеть розовые, желтые или голубые мужские пиджаки), не учитывая сочетаемость цветов, и часто не по возрасту и не по сезону (женщины в топиках с голыми животами на фоне снега), а глажение одежды вообще отсутствует как таковое. В общественных местах можно встретить объявление о запрете входа без рубашки и обуви, однако зачастую там (даже в международных аэропортах) попадают посетители в купальных трусах и майках. Приятным исключением в ношении одежды являются телеведущие и актеры в телесериалах, и очень странно, что это не находит отражения в обыденной жизни. Я обратил внимание, что у американцев притуплено чувство «дома», – у людей не существует тесной связи с жильем (квартирой, домом и т.п.) и местом жительства (городом, районом и т.д.): они очень легко их меняют. В частности, если мы привыкли «работать, где живешь», то они – «живут, где работают».

Полное отсутствие комплексов – принципиальная характеристика быта в США, проявляющаяся повсеместно. Так совершенно не испытывают стеснения патологически толстые люди (не в одной стране я не встречал такого количества болезненно полных людей и самое страшное, что это касается и детей – думаю, это уже генетическая проблема), телевидение выпускает передачи с комментаторами-женщинами с огромными животами последних месяцев беременности, а на простых, неквалифицированных работах зачастую можно видеть инвалидов с физическими недостатками (болезнь Дауна и т.п.). Следует подчеркнуть, что вообще в стране уделяется огромное вни-

мание инвалидам (наличие специальных парковок и автотележек в магазинах, пандусов на тротуарах и подъездах, подъемников в автобусах, приспособленных туалетных кабинок и т.д.), что позволяет включить их в русло нормальной жизни общества. Вообще же этика поведения американцев, основанная на культивировании личной свободе в ущерб общественной, зачастую вызывает определенное раздражение. Это бесцермонность в общественных местах (ресторанах, транспорте и т.д.): очень громкий разговор, задранные ноги на мебели, повышенная жестикуляция; а также отсутствие определенное неуважение к собеседнику – руки в карманах брюк, нога, закинута на ногу и т.п. Довольно странно для нас выглядит демонстрация на людях теплых отношений между мужчиной и женщиной (объятия, поцелуи и т.д.), при этом еще можно понять молодежь, которой не терпится попасть в постель, но, когда это касается людей отнюдь не первой молодости, то это смотрится достаточно фальшиво.

Если рассматривать эстетику американской жизни, то придется отметить отсутствие пиетета к старинным вещам, объясняемая частично видимо отсутствием старины как таковой, а также зачастую отход от натуральности и тяготение к заменителям и имитации: от серебрянных приборов к металлическим, от хрустальной посуды к стеклянной и пластмассовой, бумажной (мы же последнюю привыкли использовать только на дачах, в походах и других не стационарных ситуациях), от драгоценных металлов к пластмассе, от живописи к литографии, от камня к керамике, от моря к бассейну, от натуральных продуктов к концентратам и т.д. Наверное, это в какой-то мере издержки технического прогресса, который в принципе наблюдается повсеместно, охватывая все стороны жизни – от чудесных детских игрушек до эффективных приборов высоких технологий. Кроме игрушек, для детей издается масса прекрасных книжек, зачастую с информационно-познавательным содержанием, но в принципе дети не являются центром семьи; они не сковывают взрослых (их «таскают» всюду: поездки, рестораны, гости),

очень рано их переводят на общее питание, и не стараются оградить от негативного внешнего влияния (погодного и инфекционного), в общем с ними не сюсюкуются. При этом, однако, чуть ли не в каждом сквере имеются хорошо оборудованные детские площадки.

В отношении медицинского обслуживания в США меня, к сожалению, постигло разочарование. Оставляя за скобками финансовую составляющую, не соответствующую моей привычке к бесплатной медицине (правда, для нас лично как малоимущих и пожилых она, включая дорогостоящие операции, фактически бесплатна), я вынужден констатировать, что, наряду с блестящей технической оснащённостью и прекрасными бытовыми условиями медицинских учреждений (вне зависимости от места расположения – мегаполис это или провинция); далек от совершенства человеческий фактор. Все действия медицинского персонала заформализованы и личностное влияние сведено до минимума, что не допустимо в такой интуитивной области науки, как медицина. В частности, в лечебном процессе проявляется определенная конвейеризация, которая хороша при сборке какого-нибудь агрегата, когда перманентная смена исполнителей естественна. Но человек не трактор, и ему не безразлична подобная текучесть обслуживающего медицинского персонала. При этом бросается в глаза, что в основном лекарства не ликвидируют болезненные причины, а только компенсируют их проявление, так что курс лечения вынужденно становится непрерывно перманентным. К тому же мне кажется, что переход со страховой медицины на бесплатную (Канада, Израиль) с ликвидацией посредников (страховые компании), явно улучшил бы общую ситуацию.

При всем этом я не собираюсь выносить окончательный вердикт – «Что такое хорошо и что такое плохо»; я просто хотел проиллюстрировать имеющие место существенные различия между тем, что меня окружает в Америке, и тем, к чему я привык. Видимо необходимо констатировать, что стран проживания может быть много, но Родина, вернее Отчизна – одна, правда, не обязательно место рождения.